

Письмо из деревни

Оригинал здесь -- http://dugward.ru/library/aksakovy/kaksakov_pismo_iz_der.html

В деревне журналы доставляют большое утешение: они заменяют, хотя отчасти, какое ни есть столичное умственное движение. И надо сказать, увесистыми журналами угощают нас журналисты, рассчитывая, что чем больше будет чтения, тем охотнее станут подписываться, - и вот они суют в свои книжки целые романы и по совести не заботясь о том, что романом часто заслоняется журнал, что множество разнородных не журнальных статей превращают журнал в книжный магазин и лишают его легкого, быстрого и подвижного, но часто могущественного влияния. Впрочем, других журналов, вероятно, нам не нужно, если их нет. Существуют не зависящие от издателей и писателей обстоятельства, - но что об них говорить? Сытые журналы, хвастающиеся количеством печатных листов, выходят в множестве: в час добрый!

Интересное зрелище представляет наша журналистика. Времена, видно, переменялись: теперь журналами щеголяет Петербург; там, в этом центре всяких спекуляций и оборотов, в особенности литературно-торговых, рождаются они, плотные, гоняющиеся за величиной, не боящиеся известной русской пословицы. Итак, вся журналистика в Петербурге. В Москве теперь один журнал, в котором часто много интересных статей, но который не имеет тоже истинно журнального характера. Если говорить о журналистике, почти приходится говорить об одном Петербурге, по крайней мере, о нем особенно. Итак, поговорим о петербургской журналистике.

О, журналистика в Петербурге! Боже мой! Чего там нет! Какие сокровища! "Библиотека для чтения", "Маяк", "Отечественные записки", "Литературные прибавления", "Северная пчела" и пр., и пр. А сколько периодических изданий: "Физиология Петерб.", "Вчера и сегодня", "Зубоскал" и пр., и пр. Право, глаза разбегаются. Не знаешь, о чем говорить сперва. Но если начинать сначала, так надо говорить о "Библиотеке для чтения". От нее сыры-боры загорелись.

"Библиотека для чтения" - первый увесистый журнал в России - имела огромный числительный успех и до сих пор держится твердо. Она поняла, где стоит множество народа на гуляньях, чему раздается одобрительный хохот; она поняла и осуществила на деле; и точно, около нее собирается народ, которого тешит записной остряк, готовый на какие угодно штуки, чтоб только вынудить смех, и точно, невольно смеешься. Но что проповедует, что думает "Библиотека для чтения"? - ничего не думает: она скажет вам, что думать - вздор. Что чувствует? Ничего опять не чувствует: она скажет вам, что и чувство - вздор. Какое же ее убеждение, цель? Ведь вот, напр., у г. Булгарина есть убеждение и цель, известные всей России, а у "Библиотеки" нет никакого. У нее есть цель посмешить, и, разумеется, она недаром проделывает свои штуки и насмешки. Остроты ее часто нелепы до смешного, часто замысловаты и остроумны; в ней есть и серьезные статьи, и хорошие переводы, но дух журнала открывается в критике, и он таков, как мы сказали, так нам кажется, по крайней мере. Стихи, пустячки, по ее мнению, и потому стихотворная ее часть плоха. На успехи человечества она больше смотрит со стороны комфорта, удобства, мебели, вкусного блюда, тонкого сукна и т. д. Но все же она утратила несколько от прежней своей известности; со временем делается ясно, что совсем не на ней держится время.

О ком же говорить после "Библиотеки для чтения (Б.ч.)"? - конечно, об "Отечественных записках (О.з.)". - Они опередили всех прочих своих соперников. Что перед ними знаменитые некогда деятели г. Полевой и г. Булгарин? Говоря серьезно, "О.з." - прямой наследник Полевого. Во всякую эпоху и просто во всякое время есть совершенно поверхностная современность, за которую обыкновенно хватаются люди, желающие успеха. Это старый маневр, но он всегда удается. Хлопот здесь больших нет. Человек современно-поверхностный или, лучше, поверхностно-современный не спускается вглубь эпохи, вглубь этого великого потока времени; такие люди составляют ненужную пену, которую мощная река разбрасывает по берегам и которая исчезает без следа; но и эти поверхностные люди, эта пена сменяет друг друга. Было время для г. Полевого, но его сменили "О.з.". Какое жалкое лицо представляет г. Полевой; какое жалкое лицо представят "О.з.", когда новый Полевой их сменит! Опять повторяем: "О.з." - толстяк из толстяков, и поэтому в нем есть всякая всячина: и целые романы, часто глупейшие, и повести, иные недурные, иные дурные до крайности, и недурные и дурные стихи, все известное дело, и дельные статьи. Но мы говорим все-таки не об том: дух, жизнь и знание именно являются в критике, в рецензии. И потому мы говорим преимущественно об этой части журнала. Основание этого журнала, вся его политика, вся мысль его, желание - быть современным, хватать вершки и придавать себе этот ложный блеск, обманчивый для многих глаз. Если обратить внимание на все критики "О.з.", то мы